

...ибо из всех законов Природы, возможно, самый замечательный — выживание слабейших.

*Владимир Набоков**

Глава первая

После бесконечной слякотной зимы с тяжелыми снегопадами, после апрельских заморозков и унылых майских дождей в Москву наконец пришло настоящее лето. Июнь начался ярко, жарко, и каждый солнечный день казался праздником. Ночами гремели грозы, но к рассвету не оставалось ни облачка, восторженно кричали воробьи и сверкающие капли сыпались с деревьев.

В маленьком дорогом кафе в одном из тихих переулков неподалеку от Таганской площади впервые решились выставить три столика на открытую веранду, окруженную старыми липами. Кафе открывалось в полдень, и ровно в полдень явился первый посетитель — мужчина в белом летнем костюме. Он выглядел больным и помятым, словно провел бессонную ночь и утром не умывался.

Переулок был залит солнцем, внутри кафе казалось темно. Посетитель тревожно огляделся, и метрдотель в бабочке предложил ему пройти на веранду. Посетитель кивнул, выбрал столик у ограды и упал на стул так тяжело, что хлипкие алюминиевые ножки подкосились. Если бы не решетка за спиной, он непременно бы рухнул на плиты и расшиб голову. Но решетка спасла, мужчина вскочил, его качнуло, и тут же к нему подлетел испуганный официант.

* В. Набоков. Лекции по русской литературе.

— Вы не ушиблись? — спросил он, придерживая посетителя за локоть и заглянув в глаза. Официанту показалось, что гость пьян, ноздри его затрепетали, профессионально пригнувшись. Но пахло только хорошим одеколоном. Льяной костюм был измят и несвеж, однако выглядел дорого, и ботинки не вызывали сомнений. Официант всегда сначала нюхал подозрительных посетителей, потом смотрел на обувь.

— Мне надо сесть. Стул сломан, — произнес гость тяжелым отрывистым басом.

— Вот, пожалуйста, присаживайтесь, — официант подвинул ему другой стул и смахнул с белоснежной скатерти невидимые крошки. Гость уселся, задрал рукав и взглянул на хорошие швейцарские часы.

Безусловно, посетитель был приличным человеком, но все-таки выглядел странно.

Есть известная детская игра, когда один рисует голову, другой — туловище, третий — ноги, потом листок разворачивают и смотрят, что получилось. Человек в белом костюме состоял из таких, вслепую нарисованных частей. Голова его была слишком велика для хрупкой шеи, узкие худые плечи никак не соответствовали массивной нижней части туловища, которая, в свою очередь, контрастировала с журавлиными ногами и широкими плоскими ступнями сорок пятого размера. Светло-желтые волосы, несмотря на тонкость и мягкость, упрямо торчали в разные стороны, как перышки мокрого цыпленка. Круглое лицо, украшенное маленьким упругим носиком и большими, выпуклыми шоколадными глазами, сохранило детские пропорции, и если бы не тяжелый, почти стариковский бас, можно было бы принять его за нездорового сонного подростка.

Тени дрожащих липовых листьев падали на скатерть, осыпали костюм, лицо и руки посетителя крупной нервной рябью, и оттого казалось, что человека колотит лихорадка. Не раскрывая книжки меню, он рывкнул громко и грубо:

— Кофе!

— Эспрессо? Капучино? По-восточному? — ласково уточнил официант.

— По-восточному. Крепкий и сладкий. — Мужчина вдруг вскочил как ошпаренный и закричал: — Лиля! Я здесь!

Официант оглянулся. На веранде появилась женщина лет тридцати пяти, маленькая аккуратная блондинка в бело-розовом платье. Легко процокали острые каблочки белых туфель, пахло жасмином, и официант отметил про себя, что дама пользуется старомодными, но приятными духами «Диориссимо».

— Привет, — сказала блондинка, бережно расправила платье и села напротив мужчины. Светлые брови сдвинулись, уголки свежего пухлого рта опустились вниз, приятное круглое лицо стало напряженным. Было заметно, что она совсем не рада встрече. Официант вернулся к столу и вопросительно взглянул на женщину.

— Лиля, что тебе заказать? — Мужчина оскалил в улыбке прокуренные крупные зубы.

— Ничего. Просто стакан воды. Минеральной, без газа.

— Может, кофе? — предложил официант.

— Спасибо, не надо.

— Вот, я принес тебе, чтобы ты посмотрела, где я работаю, — пробормотал мужчина. Он принялся неловко рыться в мягкой кожаной сумке и наконец извлек глянцевый толстый журнал. На обложке под кровавым названием «Блюм» извивалась обнаженная лысая девушка, отлитая из ртути.

— Спасибо. — Блондинка машинально пролистала страницы и вдруг замерла, вскинув на мужчину светло-серые прозрачные глаза. В руках у нее был белый плотный конверт, который она обнаружила между страницами. — Что это? — спросила она грозно.

— А ты открой, посмотри. — Лицо его растянулось в глупой улыбке.

Блондинка заглянула в конверт, тут же бросила его на стол и резко встала:

— Все, нам не о чем разговаривать.

— Лиля, подожди, ты что?! — испугался он и схватил ее за руку. — Ну на фига ты выпендриваешься, а? Тебе бабки не нужны? Или, может, мало? Ты хотя бы посчитай.

— Во-первых, разговаривай со мной по-человечески, тебе не пятнадцать лет. Во-вторых, убери это, на нас смотрят. — Она покосилась на официанта, который замер у столика с бутылкой воды на подносе.

— Сядь, пожалуйста, очень тебя прошу, сядь. Ты разве не видишь, как мне плохо? — жалобно простонал мужчина.

— Тебе всегда плохо, — сердито заметила блондинка, но все-таки села. — Я тебя внимательно слушаю. Зачем ты меня сюда пригласил? — Она уставилась на него в упор, от напряжения глаза ее стали совсем прозрачными.

— Это я тебя слушаю. — Он закашлялся, лицо налилось кровью. — Объясни, будь добра, почему я не могу прийти? — пролаял он, схватил салфетку и шумно высморкался.

— Потому, что я тебя не приглашаю, — с вежливой улыбкой ответила женщина.

Мужчина шлепнул на стол пачку «Мальборо» с ментолом, долго не мог вытащить сигарету и прикурить. Каждое его движение казалось слишком резким и неловким. Он либо сильно нервничал, либо был болен, а возможно, и то и другое. Блондинка, напротив, выглядела здоровой и спокойной.

— Но я хочу прийти, — произнес он, затагиваясь и выпуская дым из ноздрей, — это же бред, Лиля! Что значит, ты не приглашаешь? Мы взрослые люди.

— Это ты взрослый? — Она засмеялась, сверкнув мелкими белоснежными зубками. — Ты взрослый? Ой, я тебя умоляю...

— Не вижу ничего смешного. Я уже купил подарок, и вообще, ты не имеешь никаких прав, по документам ты никто.

— Вот как? — Она склонила голову набок и высоко подняла брови. — Ну, если на то пошло, настоящие документы у меня, они в полном порядке, и в них твое имя нигде не зафиксировано. — Лиля залпом выпила воду. — Как раз ты никто,

а я совсем наоборот. Скажи спасибо своей предприимчивой маме. Она все отлично устроила.

— Вот маму давай оставим в покое, — Он избегал смотреть ей в глаза и уставился в свою кофейную чашку, — сейчас не о ней речь. Допустим, ты не хочешь, чтобы я приходил. Что дальше?

— Дальше я собираюсь обращаться в официальные инстанции, заявлять о подлоге документов и не только. Есть кое-что более серьезное. Значительно более серьезное.

— Слушай, ты можешь выражаться яснее, без этих дурацких намеков?

— Пока не могу. Но обещаю, что скоро все мои неясные намеки прояснятся.

— Нет, а что произошло? Ты спокойно жила все эти годы и вдруг взорвалась ни с того ни с сего. В чем дело? Десять лет ситуация тебя полностью устраивала, а теперь ты собираешься обращаться, как ты выразилась, в официальные инстанции. В суд, что ли?

— Совершенно верно, в суд.

— И в чем ты нас обвиняешь?

— Тебя ни в чем. А вот матушку твою гениальную я обвиняю. И поверь, это очень серьезно.

— Ой, ну хватит. — Он махнул рукой. — Неужели тебе охота затевать всю эту бодягу, вмешивать кретинов-чиновников в наши семейные дела? В конце концов, все происходило по твоему молчаливому согласию. Тогда надо было думать, десять лет назад. А сейчас поздно и глупо.

— Да, — кивнула она, — поздно и глупо. Не спорю.

— Ну и зачем тебе это нужно? Объясни, чего ты хочешь, давай спокойно все обсудим, договоримся.

— Мы никогда не договоримся. — Блондинка потрянула короткими вьющимися волосами. — Я согласилась встретиться с тобой только потому, что мне тебя очень жаль. Но учти, эта жалость ничего в моих планах не изменит. И все, хватит об этом.

— Хватит?! — выкрикнул мужчина неожиданно визгливым голосом. — Что значит хватит? Ты долго будешь надо мной издеваться? Сидишь, спокойная, вежливая, и угрожаешь судом! — Он раздавил сигарету, обжег палец, поморщился и поднес его к губам. — Что мы тебе сделали? Десять лет никаких претензий, и тут вдруг, без всякого предупреждения...

— Не кричи, Олег, — в светло-серых глазах мелькнула жалость, — ты ничего мне не сделал, ты вообще вряд ли способен на какие-либо сознательные действия. А вот мама твоя... Ладно, я сказала, лучше не надо об этом. Я не издеваюсь над тобой. Пожалуйста, давай прекратим этот разговор. Ты слабый, глубоко несчастный человек, я уже сказала, мне тебя очень жаль. Прости, мне пора. — Она поднялась и, взглянув на него сверху вниз, тихо добавила: — Тебе лечиться надо, ты очень плохо выглядишь. Все, до свидания.

— Подожди. — Он поймал ее руку и потянул так резко, что она чуть не упала. — Сядь, ты ничего не объяснила, и главное, ты не объяснила, почему я не могу прийти?

— Потому, что это мой дом и я не хочу тебя там видеть. Если ты явишься, я просто не открою дверь.

— Господи, ну почему? — простонал он.

— А тебе не приходит в голову, что мне очень больно видеть тебя в своем доме? Да, ты ничего не сделал. Однако твое бездействие было хуже преступления. Даже статья такая есть в Уголовном кодексе: оставление в беспомощном состоянии. Я знаю, ты был еще беспомощней, чем Ольга, но ее нет, а ты жив. Не приходи, очень тебя прошу.

— Значит, я виноват, что жив? Ну, прости, эту вину я искуплю. Не сейчас, конечно. Дай мне срок еще лет двадцать или тридцать. Хорошо?

— Перестань, — устало вздохнула Лиля, — хотя бы сейчас не юродствуй.

Он открыл рот, помотал головой, привстал, опершись на стол, выпуклые карие глаза вспыхнули, что-то должно было

сорваться с языка важное, резкое, но не сорвалось. Глаза угасти, медленно, как свет в кинотеатре.

— Возьми подарок, — буркнул он и достал из кармана маленький красный футляр, — здесь сережки золотые, она ведь любит всякие побрякушки.

— Спасибо. Это очень трогательно. Но у нее не проколоты уши, и вместо радости будет одно расстройство. А вот журнал я возьму. Никогда подобных изданий в руках не держала. Что значит «Блюм»?

— Ничего. Просто звучит красиво.

— Там есть твои статьи?

— Нет. Я же сказал, я заместитель главного редактора, сам пишу очень редко, — ответил он отрывистым механическим басом и впервые взглянул ей в глаза. — Лиля, десять лет назад твоя сестра покончила с собой. В этом никто не виноват. Я обещаю, что не появлюсь в твоём доме до тех пор, пока ты сама меня не пригласишь. Но ответь мне на единственный вопрос: что изменилось? Почему ты вдруг стала кого-то обвинять в ее смерти?

Она ничего не ответила, аккуратно положила журнал в пакет, встала и ушла.

Олег смотрел ей вслед, губы его шевелились. Подошел официант, чтобы забрать чашку с остывшим, нетронутым кофе, и услышал:

— Гадина... сука... ненавижу...

А женщина, прежде чем покинуть кафе, зашла в туалет. Несколько минут она стояла перед зеркалом, закрыв глаза. Плечи ее вздрагивали, по щекам текли черные от туши слезы. Уборщица, сидевшая за столиком с вязанием в руках, посмотрела на нее и спросила:

— Доченька, тебе плохо?

— Ничего, соринка в глаз попала, — ответила Лиля, умылась холодной водой, потом, вытряхнув все содержимое из белой лаковой сумочки, стала приводить себя в порядок, подкрасила ресницы, губы, попудрилась, не глядя, бросила все назад, в сумку, и ушла.

В половине четвертого утра патрульная милицейская машина чуть не сбила женщину в пустом переулке. Район был спальный и считался сравнительно спокойным: никаких вокзалов, гостиниц, ночных клубов. Патрульная группа расслабилась. Только что кончилась гроза, на этот раз вялая, ленивая, но дождь все шел, и заметно похолодало. В салоне было тепло и уютно. У младшего лейтенанта Телечкина имелся двухлитровый термос с крепким кофе, у капитана Краснова была копченая курица. Собирались остановиться в каком-нибудь дворе и перекусить.

Женщина выросла из-под земли. Водитель едва успел притормозить. Маленькая, полная, она застыла посреди дороги и не двигалась, не реагировала на визг тормозов, ослепительный свет фар в лицо, крик водителя. На ней было надето что-то широкое, белое, и в мертвенном фонарном свете, в дрожащей пелене дождя она казалась привидением.

— Давай-ка, Коля, вылезь, разберись, — приказал младшему лейтенанту Телечкину капитан Краснов.

— Обколотая или бухая, — проворчал Коля, — из-за такой дуры вылезать под дождь...

Приблизившись, он заметил, что это вовсе не взрослая женщина, а девчонка лет пятнадцати, босая, в каком-то балахоне, вроде халата или ночной рубашки.

— Ну точно, обколотая, — повторил лейтенант и громко спросил: — Тебе что, жить надоело?

— Я убила тетю Лилю, — медленно произнесла девочка, глядя на лейтенанта сумасшедшими глазами. Она картавила, не выговаривала «л», голос у нее был звонкий, чистый, совсем детский.

— Чего?

— Второй Калужский переулок, дом восемь, корпус два, квартира сорок.

Телечкин стоял в глубокой луже и чувствовал, как пропитываются холодной влагой ботинки, как за шиворот капает

дождь. Еще минута, и он промокнет насквозь. Взглянув на светящуюся табличку, прибитую к ближайшему дому, лейтенант прочитал: «1-й Калужский переулок».

— Ладно, пошли в машину, разберемся. — Он взял ее за локоть, она не сопротивлялась, покорно села в машину и громко повторила:

— Я убила тетю Лилю.

— Тебе сколько лет? — поинтересовался капитан Краснов и брезгливо поморщился. От девочки исходил странный запах, нет, не бомжовская вонь, что-то другое. «Лук, — догадался капитан, — репчатый лук. Для того чтобы так разило, надо полкило сожрать, не меньше. Закусывала она им, что ли?»

— Четырнадцать, — ответила девочка и, помолчав, добавила: — Коломеец Люся, восемьдесят пятого года.

— Так, и кого же ты убила, Люся Коломеец?

— Тетю Лилю. Второй Калужский переулок, дом восемь, корпус два, квартира сорок. Она там лежит на кухне в грязном халате, молчит и не шевелится. Надо «скорую» вызвать, но я боюсь врачей.

— А чего так? — спросил Телечкин с дурацким смешком.

— Уколы будут делать. Больно, — ответила девочка и задумчиво добавила: — Они злые, им нравится делать больно. Говорят, ничего, потерпи, а как терпеть, когда больно? Потом вообще руки-ноги сводит и в голове бурчит.

Сидевший за рулем сержант Сурков поймал в зеркале взгляд Краснова и выразительно закатил глаза.

— Бурчит обычно в животе, — заметил лейтенант Телечкин.

— Это если капусты много съешь, тогда да, в животе, — кивнула девочка, — а когда делают укол от плохого поведения, тогда в голове начинается, знаете, бурр-бурр, как будто там внутри что-то шевелится и хлюпает.

— Тетя Лиля тебе кто? — спросил после долгой паузы капитан Краснов.

— Как кто? Тетя. Мамы моей сестра.

— А мама где?

— Умерла, — сообщила девочка с легким вздохом, — еще давно, когда я маленькая была. Сначала мама, потом бабушка. Осталась одна тетя Лиля.

— Отец есть?

— Не-а. Никого нет. Только тетя Лиля.

— Так чего же ты тетю свою, родную-единственную, убила? — спросил Телечкин и сухо откашлялся.

Она не ответила.

Переулок был утыкан фонарями, машина ныряла из света в темноту, лицо девочки то вспыхивало, то исчезало, и лейтенанту стало не по себе. Он не мог толком разглядеть девочку, и ему вдруг пришло в голову, что она не совсем живая, что-то вроде зомби.

Луковый запах напоминал приторную трупную вонь, длинные волосы слиплись, глаза светились, как гнилушки, на лбу и на носу белели какие-то пятна, похожие на плесень. Голос, чистый, высокий, спокойный, с трогательной детской картавостью, звучал сам по себе, отдельно, словно принадлежал другому, более привлекательному существу.

«Меньше надо ужастиков смотреть, — раздраженно заметил про себя Телечкин, — ребенок как ребенок. Просто с головой не все в порядке, лицо какой-то мазью намазано и лук поедает в огромных количествах».

— Вот здесь направо, во двор, это дом восемь, корпус один, а корпус два следующий, — сообщила девочка и добавила: — Только вы первые идите. Я боюсь.

Дверь оказалась открытой. Везде горел свет. Пахло чистой, лавандой и хорошим туалетным мылом. Это была обычная малогабаритная «распашонка» с крошечной прихожей и двумя смежными комнатами. На кухне, сквозь дверной проем, виднелись ноги в узорчатых шерстяных носках.

— Извините, вы не могли бы снять ботинки? На улице грязно, — звонко произнесла девочка и принялась старательно вытирать босые ступни о коврик.

— Чего? — переспросил Краснов и, взглядевшись в ее лицо, заметил на лбу и на носу белые пятна какой-то густой мази.

— Там тапочки в шкафчике. Тетя Лиля не разрешает в уличной обуви заходить в квартиру. Что вы на меня так смотрите? Это я пастой от прыщиков намазалась.

Больше она не сказала ни слова, прошла в комнату, села за стол, сложила руки на коленях и уставилась в одну точку. На вопросы не отвечала, словно оглохла. До приезда опергруппы и следователя решили ее не трогать. Лейтенант Телечкин отправился за понятыми.

Труп находился на кухне, в полусидячем положении. На вид убитой можно было дать лет сорок, не больше. Холеная, светловолосая, с гладким правильным лицом, она как будто просто села на пол, прислонившись спиной к батарее и вытянув ноги. На ней был теплый махровый халат и узорчатые пушистые носочки. На нежно-розовой мягкой ткани темнели огромные пятна крови. Судя по количеству крови, было нанесено не меньше десятка ножевых ранений. Тут же валялось орудие убийства — длинный кухонный нож с черной пластмассовой ручкой.

Дело не сулило никаких сложностей. Банальное бытовое убийство. Слабоумная девочка-подросток зарезала свою тетю и сама в этом призналась. Понятые, пожилая пара из соседней квартиры, сначала долго охали, потом сообщили шепотом, что Люся сирота, больна с рождения.

— Все ясненько, чистенько, никаких вопросов, — глубоко-мысленно заметил Краснов и вздохнул: — Мечта, а не трупик.

— Да уж, мечта, — эхом отозвался Телечкин и попробовал усмехнуться.

Вместо усмешки вышла безобразная гримаса. Встретившись взглядом со своим отражением в овальном зеркале, лейтенант окончательно скис. На физиономии его отчетливо читались страх, жалость к убитой женщине и прочие не поддающиеся описанию чувства, которые переполняли его душу,